

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭШЕЛОН

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА

Четвертый эшелон

Эдуард Хруцкий

Четвертый эшелон. 1945

«СОЮЗ»

1979

Хруцкий Э. А.

Четвертый эшелон. 1945 / Э. А. Хруцкий — «СОЮЗ»,
1979 — (Четвертый эшелон)

ISBN 978-5-6050124-4-3

В одной из квартир в Зачатьевском переулке Москвы, обнаружен труп хозяина – Ильи Иосифовича Судина. Причиной смерти стало отравление газом. Во время осмотра места происшествия под подоконником, в глубоком тайнике, оперативники обнаруживают пачки денег, желтый металл, похожий на золото, и двенадцать коробок с ампулами морфия. Довольно необычная находка, учитывая то, что в квартире проживал одинокий инвалид труда, работающий уполномоченным Управления колхозов Азербайджанской ССР по снабжению продовольствием и мануфактурой. По горячим следам раскрыть преступление не удалось и к расследованию привлекают одного из самых опытных оперативников МУРа – подполковника Данилова.

ISBN 978-5-6050124-4-3

© Хруцкий Э. А., 1979

© СОЮЗ, 1979

Содержание

Данилов	6
Муравьев (утро того же дня)	11
Участковый инспектор младший лейтенант Соколов	12
Муравьев	16
Белов	20
Данилов	22
Муравьев	26
Данилов	33
Муравьев	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Эдуард Хруцкий Четвертый эшелон

© Э. Хруцкий (наследники)

© ИП Воробьев В. А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

Данилов

Москва. 10–15 января

Ветер разогнал облака, лопнувшие словно мыльная пена, и тогда показалось солнце, круглое и нестерпимо яркое. Пронзительно засиял снег на крышах, а окна домов стали багрово-красными, как при пожаре. Казалось, что горит вся улица сразу.

Данилов открыл форточку, и мороз клубами пара ворвался в комнату. Тонко и легко зазвенели шары на елке, резче запахло хвоей. На старом градуснике за окном ртутный столбик застыл между цифрами «девятнадцать» и «двадцать».

Январь начался круто. Почти бесснежный, солнечный и яркий, он принес в Москву мороз и безветрие. Иван Александрович подождал еще несколько минут и захлопнул форточку. Все, теперь елка будет пахнуть хвоей несколько часов, и этот запах, пробиваясь сквозь тяжелый дым папирос, напомнит ему сегодня о детстве и тихих радостях.

Теперь надо поставить на столик, рядом с креслом, пепельницу, положить папиросы, сесть поудобнее и взять книгу.

Пять дней назад его вызвал начальник МУРа. Идя по коридору и готовясь к предстоящему разговору, Иван Александрович перебирал в уме все возможные упущения своего отдела и мысленно выстраивал схему беседы, проговаривал всю ее за себя и за начальника.

Он рассеянно здоровался с сотрудниками других отделов, но мысленно уже вошел в знакомый кабинет и сел около стола в жесткое кресло, «на свое место», как шутили его ребята.

Бесшумный секретарь начальника Паша Осетров встал, увидев входящего в приемную Данилова. Его новенькие погоны даже в тусклом свете лампы отливали портсигарным серебром.

– Прошу вас, товарищ подполковник, товарищ полковник ждет.

С той поры как в милиции ввели погоны и персональные звания, Осетров ко всем обращался только сугубо официально.

На столе начальника горела большая керосиновая лампа под зеленым абажуром, и от этого в кабинете было по-прежнему уютно.

– Разрешите?

– Заходи, Данилов, садись. – Начальник достал из ящика стола тоненькую папку. – Стало быть, так. – Он хлопнул ладонью по картонному переплету. – Знаешь, что это такое?

– Нет.

– Это точно, не знаешь. Пока. Здесь, Иван, все про тебя написано.

– Это кто же постарался?

– Гринблат.

– Из наркомата, что ли?

– Нет, Данилов, похуже.

– Оттуда? – Иван Александрович неопределенно махнул в сторону окна.

– Нет, там у тебя дружки нежные. Там за тебя генерал Королев стеной.

– Ну, тогда буду тонуть в пучине неизвестности.

– Как хочешь. – Начальник открыл папку. – Гринблат – профессор, светило в некотором роде. Он консультировал тебя во время медкомиссии.

И тут Данилов вспомнил здорового старика в золотых очках, к которому он попал на медкомиссии. У него был медальный профиль и кирасирские усы. Старик беспрестанно курил толстые папиросы и громогласно командовал врачами.

– Курите? – спросил он Данилова.

– Курю.

– Вредно. Надо бросить, если хотите дожить до глубокой старости.

– Так у нас вообще работа вредная. – Данилов покосился на пепельницу, полную окурков.
– Мне можно. – Профессор улыбнулся. – Какой же интерес запрещать другим, если во всем отказывать себе?

Данилову старик явно нравился. Он был весел и совсем непохож на врача.

– Ладно, – профессор протянул ему портсигар, – закурите, но помните, что с сердцем у вас неважно.

– Это как же понимать? Плохо или совсем плохо?

– Если бы было плохо, я бы вас отправил в госпиталь. Неважно. – Старик, прищурившись, посмотрел на Данилова. – Давно беспокоит?

– С сорок второго.

– Лечились?

– Нет.

– Плохо. Это совсем плохо. Я выпишу вам лекарства, расскажу, как их надо принимать. Только помните, раз начали лечиться, лечитесь. Вам, – профессор заглянул в историю болезни, – сорок пять лет. С вашим сердцем еще можно жить и жить, только его поддерживать надо. Ясно?

– Ясно, – грустно ответил Данилов, старательно пытаясь вспомнить мудреное название болезни.

Когда он подходил к двери, старик крикнул ему в спину:

– Отдых, слышите, подполковник, отдых!

– ...Так вот, Данилов, – начальник полистал бумажки, – я в этом ничего не понимаю, но Гринблат настаивает на твоём отпуске. Я докладывал руководству, оно отнеслось с пониманием.

– То есть как это? – удивился Иван Александрович.

– А очень просто. Разрешено тебе отдохнуть аж целых десять дней. То-то. Видишь, какой ты у нас незаменимый, берегут твоё здоровье. Сдавай дела и – марш домой.

– А как же?..

– А вот так же, мне генерал приказал: будет сопротивляться – домой под конвоем. Кому передашь отдел?

– Муравьеву. Зама вы же у меня забрали.

– Игоря выдвинем чуть позже, мы документы в кадры уже послали.

– Хорошо, – Иван Александрович встал, – это дело. Парень расти должен, ему майора получать скоро.

– Странно у нас с тобой получается. – Начальник прикрутил фитиль лампы. – Как хороший оперативник, так его на руководство. Пошли бумажки, сводки, и кончается сыщик...

– Это вы обо мне?

– О себе.

– А-а.

– Что акаешь? Я ведь дело говорю.

– Не мы эти порядки устанавливали.

– Это точно. Так ты дела передай сегодня же и – домой. А я прикажу, чтобы тебя никто не беспокоил. Лежи читай, в кино ходи, в театр. Когда последний раз в кино был?

– В сорок третьем.

– А я до войны. Но тем не менее ты сходи в кино, отвлекись.

– Схожу, – неуверенно ответил Данилов.

– Бодрости не слышу в голосе, Иван. Радости нет.

– Отвыкли мы от отпусков. Вы говорите – десять дней, а что я делать буду, не знаю.

– Разберешься. Ну, счастливо, жене кланяйся, будет у меня свободная минута – заскочу. Есть дома-то? – Начальник многозначительно щелкнул пальцами.

– Найду.

– Вот и хорошо. Отдыхай, Данилов.

В комнате стало темно, но он не зажигал света. На это надо было потратить массу усилий: встать с кресла, дойти до окна, опустить светомаскировку, потом вернуться назад и зажечь лампу. Двигаться не хотелось. Хотелось сидеть, смотреть в окно, ставшее почти черным. В квартире поселилась непривычная тишина, только на кухне звонко падали в раковину капли из крана.

Ему было хорошо сидеть вот так, бездумно, расслабившись. Старое кресло, мягкое и просиженное, названное почему-то «вольтеровским», удобно приняло его в свое уютное лоно и, казалось, несло куда-то сквозь полумрак и квартирную тишину.

Нет. Вставать положительно не хотелось. Нечасто за последние годы он мог так вот отдохнуть. С утра после завтрака сел в кресло, взял пухлый том Алексея Толстого и читать не переставая, не останавливаясь. Найдя особо удачную фразу, Данилов опускал книгу и повторял ее несколько раз, словно пробуя на вкус. И немедленно слова приобретали какой-то особый, дотоле непонятный смысл, звучали совершенно по-новому.

Он так и просидел до темноты, а когда читать стало невозможно, опустил книгу на колени, унесясь в далекий семнадцатый век.

Телефонный звонок был неожидан и резок. И пока Данилов шел к телефону, он подумал, что это первый звонок за весь день.

– Слушаю.

– Витя?

– Нет, скорее я Ваня.

– А Витю можно? – Женский голос был до предела игрив.

– Вот Вити-то у нас и нет.

Ти-ти-ти, – запела трубка.

Вот теперь надо закурить. Данилов нащупал пачку папирос, чиркнул спичкой и с удовольствием затянулся. Телефонный звонок словно разбудил его, вернул в привычный мир, разрушил связь времен, так прочно приковавшую его к царствованию Петра. Что и говорить, этот первый за многие годы отпуск он проводит очень хорошо.

Данилов затянулся, но почему-то не почувствовал вкуса папиросы.

«Я же курю в темноте, а когда не видишь дыма, не чувствуешь вкуса табака».

Он пошел к окну, опустил маскировочную штору, зажег лампу. Что же дальше? Наташа придет часа через два. Есть не хочется. Почитать? Нет. Пока не надо. Так нельзя, слишком много для одного раза. Это как переест вкусного. Что-то атрофируется. Может быть, погулять пойти? Эта мысль совсем развеселила Данилова, а вместе с тем он вдруг понял, что просто отвык от выходных. Разучился отдыхать, как другие люди.

Вчера вечером они с Наташей ходили в кино. Шел новый фильм «В шесть часов вечера после войны». Картина поразила Данилова своей полной отрешенностью от жизни. И хотя все это называлось музыкальной кинокомедией, Иван Александрович никак не мог понять, почему для этой цели режиссеру понадобилась именно военная тема.

На экране бравые командиры-артиллеристы, артисты Самойлов и Любезнов, затянутые новенькими ремнями снаряжения, командовали батареей сорокапятков. После первого же залпа поле покрылось огромными грибами разрывов. Когда дым на экране рассеялся, то зритель увидел искореженные, разбитые немецкие танки. Да и вообще война для авторов фильма была эдаким веселым пикником, на котором много поют, пляшут и иногда стреляют.

Они с Наташей шли домой по засыпанной снегом Пресне, и у Данилова никак не могло пропасть ощущение, что его обманули.

– Ну что ты такой надутый? Фильм не понравился?

– Не понравился.

– Ох, Ваня, до чего же ты трудный человек! – вздохнула Наташа. – Ты пойми, что это же комедия, гротеск...

– Так вот пусть смеются над чем-нибудь другим. Война – дело жестокое, над ней смеяться нельзя.

– Но ты пойми, главная идея фильма – победа. Свидание влюбленных после войны. Ты подумай о своевременности фильма. Война еще идет, а мы уже говорим о победе.

– Я понимаю, – Данилов усмехнулся, – это все так. Но ведь можно было бы сделать по-другому. Без войны. Пускай герои говорят, пишут о ней, но не показывать сцен боя.

– Ох, Данилов, – вздохнула Наташа, – ты у меня ретроград и консерватор.

Иван Александрович тогда промолчал. Он не смог спорить с ней. Конечно, не ему судить о войне. В основном он видел последствия боев, выезжая на оперативные мероприятия в прифронтовую зону. Правда, ровно месяц он воевал в составе батальона московской милиции зимой сорок первого, под Москвой. Тогда-то он и увидел, что такое сорокапятка. Именно тогда под Волоколамском Иван Александрович сделал для себя горькое открытие, которое потом долго мучило его. За этот холодный и вьюжный месяц он понял, что недостаточно одной храбрости бойцов и командиров – нужна техника. Самоотверженность людей смогла остановить врага, а победить его смогла все-таки техника... Данилов погасил папиросу, вышел на лестницу, открыл почтовый ящик. Сегодня принесли «Правду» и первый номер «Огонька». По старой привычке открыл четвертую страницу. И так, кино и театр. Кинокомедия «Сердца четырех» – «Метрополь», «Ударник», «Москва», «Колизей», «Художественный», «Штурм», «Форум», «Родина», «Таганский», «Орион», «Динамо», «ЗИС». Документальный фильм «К вопросу о перемирии с Финляндией» – «Метрополь».

«Новости дня» № 18–44 – «Новости дня», «Хроника».

«Дело Артамоновых» – «Наука и знание».

«Жила-была девочка» – «Метрополь», «Заря».

«Воздушный извозчик» – «III Интернационал».

«Степан Разин» – «Кадр».

«Актриса» – «Экран жизни».

«Гроза» – «Диск».

«Семнадцатилетние» – «Экспресс».

И опять «Жила-была девочка». В «Авроре» можно посмотреть. «За Советскую Родину», «Заклученные» шли в «Повторном».

В ЦДКЖ – гастроль Ленинградского театра комедии, в Театре оперетты «Украденная невеста», Театр миниатюр показывал «Где-то в Москве», в цирке – «Сегодня и ежедневно заслуженный артист РСФСР А. Н. Александров – леопарды и черная пантера».

Данилов пробежал глазами объявления. Так, все понятно. Теперь первая страница.

«ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ЗА 10 ЯНВАРЯ

В течение 10 января северо-восточнее города Комарно наши войска с боями заняли населенные пункты Биня, Барт, Нова Вьеска, Перебете, Старая Дяла, Мартош и железнодорожные станции Нова Вьеска, Старая Дяла, Хетин, Комарно-Тэгельная (2 километра северо-восточнее города Комарно). За 9 января в этом районе наши войска взяли в плен более 800 немецких солдат и офицеров. В Будапеште наши войска, сжимая кольцо окружения немецко-венгерской группировки, с боями заняли крупнейший заводской район Чепель и остров Обудай с судостроительными верфями. За день боев нашими войсками занято в городе свыше тысячи кварталов. В боях в районе города Будапешта за 9 января взято в плен более 3000 немецких и

венгерских солдат и офицеров. Северо-западнее и западнее Будапешта атаки пехоты и танков противника успешно отбивались нашими войсками. За 9 января в этом районе подбито и уничтожено 40 немецких танков.

На других участках фронта существенных изменений не было».

Он положил газету, взял «Огонек». На всю обложку портрет Грибоедова, на развороте фотография «На дорогах Венгрии». Бесконечная толпа пленных венгерских солдат, небритых, в мятых шинелях, в пилотках, натянутых на уши. И сразу же память вернула его в жаркий июньский день прошлого, сорок четвертого года, когда по улицам Москвы вели немецких пленных. Огромная колонна растянулась по всей улице Горького. Голова ее была на площади Маяковского, а хвост – на Ленинградском шоссе.

Данилов стоял у кукольного театра у самой бровки тротуара, он был в форме, и поэтому ему удалось стать ближе к мостовой. Улицы были заполнены москвичами, люди сидели даже на крышах домов. Впереди колонны шли генералы и старшие офицеры. Эти еще пытались бравировать, были подтянуты, выбриты, кое-кто с моноклями. Они делали вид, что ровно ничего не случилось и что привели их сюда просто на прогулку. За ними шла безлико-серая масса, поражающая своим однообразием. Данилов внимательно вглядывался, но так и не мог запомнить ни одного лица. И, пропуская мимо себя шеренги небритых, неопрятных людей, он вспоминал октябрь 1941 года, почти пустые улицы Москвы, кучи сожженных бумаг во дворах. Тогда немцам не удалось войти в Москву. Теперь их ведут по улицам солдаты полка НКВД.

Данилов закрыл журнал и пошел надевать сапоги, он все же решил пройтись, хотя сама мысль об этом казалась ему смешной.

Муравьев (утро того же дня)

Игорь дописывал справку. Начал писать ее еще Данилов, но перед уходом в отпуск он положил перед Муравьевым несколько исписанных страниц и сказал:

– С сего дня согласно приказу по управлению я числюсь в десятидневном отпуске. Так что этот труд допишешь ты как мой заместитель.

– Как дописывать труд, – ехидно заметил Игорь, – так я заместитель, а как жалованье получать – все старший оперуполномоченный.

– Тебя, Муравьев, погубит жадность. Не в деньгах счастье, товарищ капитан.

– Но с ними, товарищ подполковник. Справку я, конечно, допишу, но, как вам известно, моя жена, Инна Александровна, врач, она мне тоже найдет какую-нибудь болезнь.

– Это ты правильно решил. Сходи к врачу, здоровье надо беречь именно в твоём цветущем возрасте, а не лакать с Парамоновым водку в парке «Сокольники» и коммерческом ресторане «Москва».

– А вы откуда знаете? – Игорь густо покраснел. – Ну правда, Иван Александрович, кто стукнул?

– Хорошие люди.

– Так мы вовсе не водку пили, а пиво.

– Ой ли?

– Подумаешь, одну бутылку всего.

– Вот ты к врачу и сходи, пусть он тебя от пьянства вылечит, – улыбнулся Данилов. – Мне Инна звонила, я сказал, что ты был у меня. Запомни это, я твою молодую семью сохранил, так что теперь ты за меня все справки писать будешь.

– Буду, ой буду, Иван Александрович, – засмеялся Игорь, – а то я удивился, чего она не ругалась.

– Запомни: не тот друг, с кем водку...

– Пиво, ей-богу, пиво.

– Ну, пусть пиво.

– Вас понял, а предателя Парамонова...

– Ты на него не клепай, он мужик – кремень, другие вас видели, совсем другие люди.

Первые пять дней Муравьев так и не брался за эту справку, но сегодня утром ему позвонил из ГУББ наркомата полковник Серебровский, которого в прошлом году перевели из МУРа, и сказал, что справка не позже завтрашнего дня должна лежать на столе начальника главка. Игорь бросил все дела, заперся в кабинете Данилова и начал дописывать проклятую справку. К десяти часам голова у него начала гудеть, а перед глазами прыгали бесконечные проценты и цифры.

Он так и не дописал последней страницы, когда зазвенел телефон спецсвязи.

– Муравьев.

– Дежурный Попов. В Зачатьевском, дом пятнадцать, вооруженное нападение на работника милиции. Тебе приказано срочно выехать. Машина у подъезда.

Участковый инспектор младший лейтенант Соколов

Когда Соколова назначили на этот участок, начальник отделения сказал:

– Мы, младший лейтенант, посоветовались и, принимая во внимание ваши фронтовые ранения, решили дать самый тихий участок, район Зачатьевского монастыря.

Соколов не спорил. Тихий так тихий. Он даже обрадовался этому. Опыта-то у него милицкого не было вовсе. В сорок первом служил на румынской границе, но не на заставе, а в маневренной группе. Воевал как все. Отступал от Днестра до Одессы, оттуда на Кавказ. Но тем не менее везде нес службу свою пограничную. Был старшиной заставы, только именовалась она заставой по охране тыла действующей Красной Армии. Они контролировали рокадные дороги, охраняли железнодорожные узлы, прочесывали тыловые леса. Служба была нелегкой. Банды, дезертиры, диверсанты. Всякое случалось. Ведь не зря получил он два ордена и четыре медали. Но, кроме этого, дважды куснула его пуля. Один раз отлежался в медсанбате, а вот после второго ранения уволили вчистую. В военкомате, когда становился на учет, предложили пойти на курсы при милиции. Пошел. Проучился четыре месяца, стал младшим лейтенантом.

Участок его действительно был спокойным. Тихие переулки, заросшие травой, остатки монастыря, две керосиновые лавки, филиал дровяного склада, булочная, три магазина-распределителя. Мужчин почти не было – все на фронте, мальчишки постарше, живущие в его домах, работали на маленьких соседних заводиках. Делали там стабилизаторы для мин, деревянную тару для снарядов, кожухи к пулеметам «максим».

За год он перезнакомился со всеми, кто жил на его участке, и знал точно: если в третьем распределителе скандал – значит, это Анна Махоркина, зловредная тетка из дома четыре по Дмитриевскому переулку. Если диким голосом кричит хромой Хасан с дровяного склада – значит, опять набезобразничали пацаны с Кропоткинской, если у Насти, буфетчицы в единственной пивной на его участке, глазки словно катаются в масле – значит, пиво она продает «балованное».

И он заходил к Махоркиным и беседовал с Анной, стыдил ее, что не к лицу жене фронтовика устраивать скандалы в магазине, вызывал к себе в комнату при домоуправлении родителей пацанов, нашкодивших на дровяном складе, крепко штрафовал буфетчицу, грозясь возбудить уголовное дело. Да разве мало забот у участкового, да еще в городе, да во время войны. Был случай, пришлось применить оружие, дважды в магазине с поличным взял карманников, крадущих у людей карточки. Разное было.

С давних пор, с пограничной службы, все, что его интересовало, записывал Василий Соколов в тетрадку, так он поступал и в милиции. Приедет новый человек, он его заносит в свою «черную книгу», все у соседей о нем узнаёт, на работе деликатно проверяет. Никуда не денешься – дело военное. Так попал к нему в тетрадь гражданин Судин Илья Иосифович, 1897 года рождения, инвалид труда, ранее несудимый, работающий уполномоченным Управления колхозов Азербайджанской ССР по снабжению продовольствием и мануфактурой областей БССР, восстанавливающихся после оккупации.

Илья Иосифович поселился в Зачатьевском переулке, дом пятнадцать, квартира шесть. Человек он был в районе примечательный. Зимой ходил в кожаном пальто на меху, пыжиковой шапке, белых бурках, обшитых желтой кожей. Он часто ездил в Баку и Белоруссию, привозил домой мешки с урюком и сухофруктами, делился с соседями, говорил, что родственники из Баку подбрасывают. Соколов, внимательно наблюдая за его квартирой, отметил, что образ жизни Судин ведет замкнутый, гостей у себя принимает редко, сам, когда бывает в Москве, в основном сидит дома или уходит куда-то с военным в форме летчика.

Соколов побывал в постпредстве Азербайджана, поговорил с кадровиком, тот о Судине толком ничего сказать не смог, дал личное дело. Соколов его прочитал, выписал кое-что. А вот

зачем? Да просто так, не нравился ему Илья Иосифович, и все тут. Спроси почему – участковый бы не ответил. Вежливый, здороваётся с ним приветливо, на чай приглашал, соседи о нем хорошо говорят. А вот что-то было в нем не то.

Когда Соколов встречал этого розовощекого, добродушно улыбающегося человека, не мог он поверить, что получил Судин инвалидность на Магнитке, не верил, что съедает его застарелый туберкулез.

О своих сомнениях доложил он начальнику угрозыска отделения капитану Платонову. Тот выслушал его, попросил написать рапорт, сказал, что разошлет запросы. Но по нынешним временам бумаги идут долго.

– Жди, – сказал капитан участковому, – работаешь правильно.

Несколько раз приезжали к Судину машины. Все номера их на всякий случай Соколов тоже записал. Мало ли что. Вдруг понадобится. 10 января он в отделение пришел, как всегда, к восьми утра.

– Здорово, Соколов, – дежурный пожал ему руку, – там тебя дворничиха дожидается.

В коридоре на истертой до блеска деревянной скамье сидела дворничиха из дома пятнадцать. Ждала она его недолго, как заметил Соколов, снег у нее на валенках так и не успел растаять.

– Ты чего это, Климова, в такую рань?

– Да как же, Василий Андреевич, несчастье у нас какое. Жилец-то из шестой...

– Судин, что ли?

– Он самый, Илья Иосифович по делам уехал, а у него что-то с газом. Видать, горел, он не выключил, а знаете, как теперь, газ-то по три раза на день перекрывают. Вонючка на всю лестницу.

– А я тебе, Климова, зачем? – Соколов начал расстегивать шинель. – Я же не слесарь.

– Так слесаря я позвала. А он ни в какую, говорит, без милиции не пойду. Мало что пропадет или еще как.

– Это он, пожалуй, прав. – Соколов застегнул шинель. – А почему ты знаешь, что жильца нет?

– Так я и в дверь звонила, и по телефону.

– Какой у него номер?

– Г-1-74-78.

– Пойду сам позвоню.

Соколов вышел в дежурку, набрал номер. Двадцать раз басовито и длинно пропела трубка.

«Надо идти, – подумал участковый, – а то, не дай бог, газ скопится, замкнет где электричество, одна искра – и весь дом на воздух».

Идти не хотелось, он добирался до работы из общежития на Шаболовке с двумя пересадками, в трамвае было холодно, как в погребке. Он продрог в подбитой «рыбьим мехом» синей милицейской шинели, ноги в сапогах сделались дубовыми, а главное, от холода у него длинно и мучительно ныло раненое плечо.

Но ничего не поделаешь: идти было надо.

– Я в дом пятнадцать, в Зачатьевский, – сказал Соколов дежурному, – там с газом что-то.

– Ладно. – Голос у дежурного был вялый и сонный.

Соколов вышел на улицу, и холод снова сдавил его железным обручем. Снег визжал под подошвами сапог, переулочек, заваленный сугробами, казался синим. Где-то за Москвой-рекой, над башенкой монастыря, появилась мутноватая светлая полоска, оттуда в город приходил рассвет.

Соколов шел быстро, и дворничиха в тяжелом тулупе и огромных валенках едва поспевала за ним.

– Ох, – вздохнула она, когда переулочек, выгнув горбатую спину, резко пошел вверх, – заморил ты меня, Андреич, жарко.

Соколов, скользя кожмитовыми подошвами, мысленно ругал мальчишек, раскатавших спуск и превративших его в сплошной каток. Он так и не согрелся, дойдя до холодного подъезда дома пятнадцать.

– Слесарь-то где, Климова?

– Ждет наверху.

На площадке второго этажа стоял резкий запах газа, у стены на чемоданчике сидел слесарь.

– Здорово, участковый.

– Здоров, Петрович.

Соколов повернул звонок.

– Не стоит. – Слесарь встал. – Я уже раз десять звонил, без толку.

– Ну, что будем делать? – спросил Соколов.

– Ты власть, тебе и решать.

– Тогда давай попробуем эту дверь вскрыть.

– Тяжеловато. – Слесарь громыхнул спичечным коробком.

– Ты что, Петрович, сдурел, дом взорвать хочешь?

– И то...

– Погоди.

Соколов достал карманный фонарь. Узкий луч пробежал по рваному дерматину двери, осветив четыре замочные скважины.

– Видишь, – вздохнул слесарь, – то-то и оно. Замки-то у него лабазные, ручной работы, из нержавеющей стали. Сам делал.

– Что, замки?

– Да нет. Вставлял. Тяжелые замки.

– Так какой же ты слесарь, раз их открыть не можешь? – разозлился Соколов.

– Это кто не может? Я? – В голосе Петровича сквозила явная обида. – Да если хочешь знать, я по молодости на заводе работал, где для сейфов запоры делали.

– Ты еще про Ивана Грозного вспомни, – зло буркнул Соколов.

Теперь только он начал понимать всю серьезность положения. Газ шел, остановить его было невозможно, в любой момент мог вспыхнуть пожар.

– Посвети-ка мне, – попросил Петрович.

Соколов осветил чемодан, набитый разводными ключами, какими-то металлическими щупами, молотками и отвертками. Петрович, покопавшись минут пять, вынул отмычку, повертел ее в свете фонаря и буркнул что-то непонятное.

– Что? – спросил Соколов.

– А ничего, давай свети на дверь.

Участковый осветил дверь.

– Да не сюда, ниже, – ворчливо сказал Петрович, – вот там, где английский.

Он сунул отмычку в скважину замка, покрутил ею, и вдруг дверь мягко поддалась.

– Не закрыл все замки-то... – изумился слесарь.

– Стоп, – скомандовал Соколов, – вы стойте на лестнице, я захожу один.

Он шагнул в пахнущую газом темноту квартиры, повернул налево по коридору и толкнул закрытую дверь кухни. Сначала он ничего не заметил, а только нащупал рукой газовую трубу, нашел кран и повернул его. Потом шагнул к окну, чтобы раскрыть форточку, и обомлел. На полу, прислонившись спиной к плите, сидел человек. Соколов толкнул раму окна и при сером свете утра увидел остекленевшие глаза и белую полоску зубов. Участковый наклонился, взял руку Судина, она была так же холодна, как и снег за окном.

Стараясь ступать осторожно, Соколов вышел в прихожую.

– Климова, – крикнул он, – только не заходи. Здесь дело темное, и ты, Петрович, стойте на лестнице, понадобитесь в качестве понятых.

– Ой, – испуганно вздохнула дворничиха, – а что же там, Андреич?

– Труп там хозяина, такие дела. Где телефон?

– Да в коридорчике на стене.

Сквозняк выдул газ, и Соколов все же решился зажечь фонарик. Он нашел телефон, набрал номер.

– Дежурный! У меня труп. Зачатьевский, пятнадцать, квартира шесть. Обеспечу, жду.

Он повесил трубку и вышел на лестничную площадку. Теперь согласно инструкции он никого не должен был впускать в квартиру.

Через десять минут приехал Платонов и два оперативника.

– В прокуратуру я позвонил, – сказал капитан, – следователь скоро будет. Собаку не брали, незачем, а вот эксперт наш заболел, но ничего, сами попробуем. Понятые где?

– На лестнице, товарищ капитан.

– Молодец, Соколов, зови их в квартиру да спустись в автобус за чемоданчиком эксперта. Капитан скинул командирский полушубок и остался в ладно сидящем кителе.

– Давай, Соколов.

Хотя в комнатах был сквозняк, тяжелый запах газа все же плыл по квартире.

– Это же надо, знал бы, противогазы взял, – сказал Платонов. – Ну, приступим.

В дверь позвонили. «Зачем Соколов дверь захлопнул?» – подумал капитан и пошел открывать. Замок поддался сразу. Все остальное произошло стремительно и страшно. Платонов увидел человека в коротком полушубке, он еще не успел среагировать, как тот выстрелил в него, не вынимая руки из кармана. Пуля оцарапала плечо, дверь захлопнулась. Но на этот раз проклятый замок не поддавался.

Соколов поднялся на первый этаж, когда в квартире приглушенно хлопнул выстрел, грохнула дверь, кто-то, прыгая через ступеньки, побежал вниз по лестнице. Участковый бросил чемодан и рванул из кобуры пистолет. Но он не успел его поднять. Неизвестный выстрелил раньше. Соколов, отброшенный к стене горячим свинцом, падая, все же собрал остатки сил и тяжело рухнул на бегущего человека, захватив его руку последней смертельной хваткой. Он не слышал, как сбежал сверху оперативник и капитан, как прибежал шофер. Он уже ничего не слышал. Только в уходящем сознании билась одна мысль: «Не пушу!», «Не пушу!», «Не...» Он уже не чувствовал боли, не чувствовал пуль, входящих в него и разрывающих тело. Он умер, так и не разжав рук.

Муравьев

Когда их машина подъехала к дому, двое санитаров выносили из дверей носилки, покрытые белой простыней. Игорь увидел только каблуки сапог со сбитыми металлическими косячками и свисающую из-под покрывала руку, залитую кровью.

Во дворе толпились жильцы, с жадным любопытством разглядывавшие санитаров, муровскую машину, сотрудников милиции.

У дверей подъезда стоял милиционер.

– Второй этаж, товарищ начальник. – Он четко козырнул.

– Кто там?

– Следователь прокуратуры, товарищ капитан Платонов, задержанный и понятые.

Игорь, оперуполномоченный Белов, эксперт и врач вошли в подъезд. На площадке первого этажа стоял второй постовой, кусок лестницы был покрыт брезентом.

«Молодец Платонов, – подумал Игорь, – все предусмотрел, видимо, здесь-то и убили участкового».

Он осторожно обошел брезент и поднялся в квартиру. В коридоре гуляли сквозняки и пахло газом.

– Что это у вас, – спросил Игорь Платонова, – труба, что ли, лопнула?

– Да нет, хозяин газом отравился.

– Где тело?

– На кухне.

– Илья Маркович, – повернулся Игорь к медэксперту, – начинайте. Задержанный?

– Там. – Платонов кивнул головой на дверь.

Муравьев вошел в комнату. У стены на стуле сидел парень на вид лет семнадцати, в разорванном коротком полушубке, руки, скованные наручниками, были завернуты за спинку стула. Задержанный поднял голову, и первое, что бросилось в глаза Игорю, – рассеченная губа, которую тот все время облизывал, и глаза с огромными зрачками, смотревшие куда-то мимо него, Муравьева.

За столом, раскладывая бумажки, сидел закутанный в толстый шерстяной шарф старичок.

– Следователь райпрокуратуры Чернышов Степан Федорович, – сказал за спиной Платонов, – а это, Степан Федорович, товарищ Муравьев из ОББ.

Следователь закивал головой, привстал и выдал из себя что-то типа «очень рад».

На столе среди бумаг лежал офицерский планшет, ремень с кобурой, красным пятном на скатерти выделялась книжка-удостоверение и два пистолета.

Игорь подошел к столу, взял в руки оружие. «Фроммен» 7,62 и маузер 6,35. Из ствола «фроммена» кисло пахло порохом. Игорь вынул обойму, выщелкнул на ладонь патроны. Три. Значит, этот парень стрелял пять раз. И, словно угадав его мысли, Платонов сказал:

– В меня раз, самым жиганским методом, прямо из кармана, остальные в Соколова.

– Так. – Игорь внимательно посмотрел на задержанного, на этот раз он не показался ему таким молодым. У него было странное лицо порочного мальчика.

– Документы его где?

– А вот, пожалуйста. – Чернышов подвинул Игорю истрепанный паспорт и какие-то справки.

Так, Кузыма Сергей Казимирович, год рождения двадцать второй, место рождения – село Гольцы Пинской области, из колхозников, паспорт выдан Пинским ОУНКВД БССР, подпись, печать. Паспорт прописан: Пинск, Станиславская, 5. Справка:

«Дана настоящая Кузыме С. К. в том, что он освобожден от военной службы по состоянию здоровья (эпилепсия)».

Подпись райвоенкома, печать. Пропуск в Москву. Все тоже вроде в порядке, цель поездки – лечение. Пропуск-то туфтовый. Реквизиты не те. Прошлогодние реквизиты.

– Игорь Сергеевич, – крикнул эксперт, – можно вас на минуточку?

Игорь вышел на кухню. Труп хозяина лежал на боку, казалось, что он просто пьян, просто вошел, упал и уснул до утра.

– Ну как?

– Вот в чем дело, – сказал эксперт, – на бутылке вина отпечатков нет никаких. Отпечатки только на его стакане, на краях плиты тоже нет ничего.

– Что же это он, сначала газ включил, потом все вытер? Предусмотрительный самоубийца. Что еще?

– Плитка шоколада с прикусом в вазочке, слепок мы потом сделаем на Петровке. Слесарь говорит, товарищ Муравьев, что звонок слышал, когда у двери сидел, вроде как бы будильник звенел.

– А может, телефон?

– Да нет, звук непрерывный и резкий, а телефон в квартире звонит иначе. Я посмотрел: будильник поставлен на восемь часов.

– Давайте проведем следственный эксперимент.

– Так, – внезапно сказал эксперт, осматривающий пол под столом, – есть.

– Что?

Эксперт осторожно поднял пинцетом женскую заколку с камнем, положил ее на стол, начал разглядывать в лупу.

– Заколка черепаховая с брильянтом, работа старинная.

– Много ты понимаешь, – усмехнулся Игорь.

– А вы не смейтесь. Приедем на Петровку, я точно докажу.

Вот теперь все стало абсолютно непонятным. Если поначалу Игорь думал, что в квартиру Судина ворвался случайный налетчик, ничего не знавший о том, что хозяин кончил жизнь самоубийством, то теперь самоубийство отпадало полностью, по делу проходил некто неизвестный, возможно женщина. А может, она послала Кузыму за заколкой? Отпадает. Он бы не стал тогда звонить в дверь. Так при чем же здесь этот эпилептик из Пинска? И зачем женщина убила Судина? Да и вообще, кто такой был Судин? Только узнав это, можно было понять, почему пришел Кузыма и зачем убили хозяина квартиры.

Игорь вышел в комнату. Там все было по-прежнему. Чернышов что-то писал, задержанный сидел, не подымая головы, в углу затихли понятия.

– Ну что, Степан Федорович, – спросил Муравьев, – начнем обыск?

– Приступайте.

– Белов, бери людей, начинайте обыск. Задержанного на Петровку.

Сергей и оперативники разошлись по комнатам. Началось самое сложное – найти улики среди этих на первый взгляд мирных, ничего не говорящих вещей.

Игорь не вмешивался, он вполне доверял сотрудникам, по собственному опыту зная, как неприятно работать, когда у тебя над душой стоит начальство. Переходя из комнаты в комнату, он фиксировал детали, обращал внимание на мелочи. Так всегда делал Данилов. Еще в сороковом году он учил Игоря, что главное в работе оперативника – обыск. Иногда любой, на первый взгляд самый незначительный предмет, катушка ниток или старая пробка от духов могут рассказать больше о хозяине квартиры, чем самый тщательный опрос свидетелей.

И вот сейчас, глядя на вещи, доставаемые из шкафов и комодов, Муравьев понимал, что кто-то до них здесь что-то очень тщательно искал. Часто бывая на обысках, он привык к

этой неприятной, но тем не менее неизбежной работе оперативника. Привык, что перед ним раскрывалась чужая жизнь, никому дотоле не известная. Привык и смирился с этим, как не останавливаешь себя, когда с любопытством заглядываешь в освещенные окна чужих квартир на первом этаже.

– Игорь, – к нему подошел Белов, – мне кажется, что до нас здесь что-то искали.

– Отпечатки?

– Не видно, эксперт все внимательно посмотрел. Наверное, работали в перчатках.

– Ты обратил внимание на чемоданы в шкафу?

– Да.

– Сколько их?

– Два.

– Там был третий. – Они подошли к шкафу. – Смотри, вещи вывалены в угол. А судя по всему, покойный был мужик аккуратный. Кроме того, носильных вещей нет. Никаких, кроме старого френча. Позови-ка сюда дворника.

– Звали, товарищ начальник? – Дворничиха стрельнула любопытными глазами по сторонам.

– Скажите, у покойного были хорошие вещи?

– Да вон их сколько, целая гора.

– Нет, не это, я имею в виду костюмы, пальто.

– А то как же, он одевался здорово.

– Вы не могли бы припомнить, что именно у него было?

– Перво-наперво, товарищ начальник, пальто кожаное на меху, потом костюмы, летний, коричневый, и синий, уж не знаю из какого материала, плащ габардиновый. Боле не припомню. Да, халат у него был еще шелковый полосатый. Я ему телеграмму передала, так он в ём был.

– Этот?

– Он самый.

Игорь сунул руку в карман халата, вынул телеграмму.

«Буду Москве завтра остановлюсь обычно у З.».

– Приобщи к делу.

– Есть! Нашел! – крикнул Платонов. – Муравьев!

Игорь вышел в другую комнату. Оперативники возились у плинтуса подоконника.

– Я смотрю, – возбужденно говорил Платонов, – вроде все плинтусы нормальные, а в этом какая-то шляпка торчит. Почистил, нажал, вроде винт. Вывинтил, плинтус-то поддается.

– Погоди, не снимай, позовите понятых и следователя.

Под подоконником, в глубоком тайнике, были найдены пачки денег, желтый металл, похожий на золото, и двенадцать коробок с ампулами морфия.

Обыск окончился. Вещдоки запаковали и отправили на Петровку. Протоколы были составлены, понятые расписались. Но Муравьев все же не уходил, что-то еще задерживало его в этой квартире. Вот только что, он никак не мог понять. Еще раз осмотрел комнаты, кухню, туалет. Смущало, что в квартире не было найдено ни одной записной книжки, ни одной бумажки с номерами телефонов. И вообще никаких бумаг не было. Кто-то унес все. Письма, блокноты, записки. Тот самый бумажный мусор, который подчас оказывает следствию неоценимую услугу. Игорю так и осталось непонятным, где же покойный хранил свой архив и деловые бумаги. Ну, насчет телефонов дело вполне объяснимое. Он и сам не пользовался книжкой, держал в памяти десятки телефонов и адресов. Видимо, бумаги покойного тоже забрали. Унесли в том самом чемодане, вместе с костюмами и кожаным пальто.

– Послушай, Платонов, когда этот парень ворвался в квартиру?

- Около девяти.
- Его должны были видеть. Кто-то обязательно его видел.
- А зачем нам это?
- А если он был не один?
- погоди, Муравьев, погоди. Егоров! – крикнул Платонов оперуполномоченному. –

Позови Климову.

Дворничиха пришла минут через пять.

– Звали?

– Звали. Да ты садись. Вот подумай, кто около девяти утра мог быть в переулке?

– Да кто же его знает, начальник, я же не гадалка.

– Как продавщицу из керосиновой лавки зовут? – спросил Платонов.

– Вера Симакова.

– Она во сколько открывает?

– В девять.

– А приходит-то раньше.

– Твоя правда, товарищ начальник, вот что образованность-то значит...

– Вы проводите нашего сотрудника к этой Вере, – вмешался Муравьев, – только скоренько, ладно?

Белов

Над переулком повисли голубые сумерки. Небо было чистым, и первые неяркие звезды, словно лампочки, зажженные вполнакала, висели низко над крышами домов. Снег завалил старенькие особняки до наличников окон, деревянные колонны у входа, покрытые инеем, серебрились и казались частью сугробов.

Сергей после пропахшей газом квартиры с наслаждением вдохнул морозный воздух. Вдохнул так глубоко, что у него защипало в носу, будто он залпом выпил стакан боржоми.

Они спустились с накатанной горки и почти уперлись в дворик. В глубину его вела вытоптанная между сугробами дорожка, она оканчивалась у маленького сарайчика.

– Вот она, керосинка, – сказала Климова.

– Благодарю. Вы можете идти, – ответил Сергей.

– М-может, еще чего...

– Тогда вас вызовут. – Он толкнул набухшую дверь.

В лавке было холодно и отвратительно воняло керосином. Рядом с огромной бочкой на скамеечке, положив на колени литровый черпак, сидела женщина, по глаза закутанная в платок. На ней был огромный овчинный тулуп, перетянутый веревкой, и валенки, облитые красной резиной.

– Давай бидон и талоны, – хрипло крикнула она, – а то закрываю. Я в такой мороз не нанялась здесь без вылазу сидеть.

– Милиция. – Сергей достал удостоверение.

– Это еще зачем? Керосин не пиво, его не разбавишь.

– Я по другому вопросу.

– Ну давайте. – Женщина встала, и Сергею показалось, что она ничуть не меньше бочки с керосином.

– Вас зовут Вера?

– Вера Анатольевна Симакова.

– Спасибо. Скажите, Вера Анатольевна, когда вы шли на работу?

– Я в девять открываю. Живу на Арбате в Афанасьевском, так что из дома в восемь выхожу. А что?

– Когда вы шли на работу, вы никого не встретили у дома пятнадцать?

– А правда, что барыга этот, из шестой квартиры, нашего участкового убил, Василия Андреевича?

– Почему барыга?

– Форменный, да ты погляди на него, одет в кожу, бурки-чесанки, рожа лоснится.

– Убили, это правда, но не он.

– Вечная ему память, хороший человек был, хоть и милицейский, душа в нем имелась, недаром фронтовик, с наградами.

– Так как же, Вера Анатольевна, вы встретили кого-нибудь?

– Ясно дело. Витьку Шабалина из третьего дома, он в аптеку бежал, Гусеву Надежду с набережной...

– Вы меня не поняли, я имею в виду незнакомых людей.

– Ну а из незнакомых военный шел.

– Какой военный?

– Известно какой. Пальто на нем кожаное с погонами и шапка высокая.

– Такая, как у меня?

– Да тебе до такой шапки как медному котелку служить, я ж говорю: высокая, из каракуля.

– Папах!

– Вот точно, папаха.

– А какие у него были погоны?

– Известно, золотые.

– Вы в темноте разобрали?

– Да я его раза три с этим жуликом из шестой квартиры видела, он мне раз даже сумку до троллейбуса помог донести. Легчик, одним словом.

У Сергея неприятно защемило под сердцем. Он весь напрягся и задал главный вопрос:

– Он один был?

– Нет, с ним паренек шел в полушубке коротеньком. Маленький, вертлявый.

– Вы бы могли его узнать? – еле сдерживая себя от волнения, спросил Белов.

– А то нет, он меня так толкнул, что я чуть с этой горушки не загремела. Я ему говорю: «Ты чего же, ирод, делаешь?» А он мне: молчи, мол, сука старая. Это я-то старая, мне и тридцати-то нет.

– Ну а дальше?

– А что дальше-то? Я лавку пошла отворять, а они у дома пятнадцать остановились.

– Давайте я запишу все, что вы мне рассказали.

– Записывайте, если надо, если поможет это тех, кто нашего Андреича убил, поймать.

Через полчаса Сергей вышел из лавки. Переулок был пуст. Даже вездесущие мальчишки сидели по домам. Он медленно шел в сторону Кропоткинской, любясь заиндевевшей стеной монастыря, в ее проломах росли маленькие деревца, и ему казалось, что он идет не по Москве, а мимо разрушенного раскольничьего скита.

Он еще не знал, что Муравьев все же нашел то, что искал. Рядом с телефоном, на стене, карандашом был нацарапан номер телефона, а под ним буква З.

Данилов

Он вышел из дома, еще ничего не зная о том, что произошло в Зачатьевском переулке. Идя гулять, Иван Александрович даже предположить не мог, как это утро, морозное и прекрасное, переменит всю его жизнь и сколько забот доставит сегодняшний день, и что долго роман «Петр I» будет лежать заложенным на двухсотой странице. Отойдя от дома метров триста, он вдруг вспомнил, что забыл пистолет. И хотя Данилов пытался убедить себя, что в этот тихий морозный вечер оружие ему не понадобится, многолетняя привычка взяла свое, и он повернул к дому.

У его подъезда стояла машина начальника МУРа. Начальник что-то говорил шоферу.

– А, отпускник, – обрадованно сказал он, – гуляешь?

– Дышу.

– Это правильно.

– Что случилось?

– А ничего, говорил, что заеду, вот и выбрал время.

– Ну, что стоим, пошли в дом.

– Пошли, пошли, посидим поговорим. – Голос начальника был неестественно весел. – Ты мне скажи, Данилов, – продолжал он, – отчего это в подъездах даже зимой котами воняет? Неистребимый московский запах. Я вот в тридцать девятом во Львове был, после присоединения, там этого и в помине нет. Я даже спросил одного поляка: у вас что, кошек нет? А он засмеялся и отвечает: они, мол, у нас иначе воспитаны. Культуришь-европеешь. Так-то вот.

Начальник говорил что-то необязательное совсем и веселое, но Иван Александрович уже не слушал его. Медленно поднимаясь по ступенькам, он думал о том, что всему хорошему приходит конец, о недочитанной книге на столе и о своем друге, живущем в Архангельском, к которому он хотел поехать завтра и немного погулять по бывшему Юсуповскому парку, походить по упругому льду павшинских прудов, посмотреть настоящую зиму.

– Дела, – ворвался в его мысли голос начальника, – поднялся на третий этаж... и одышка.

– Это от тулупа, – успокоил Данилов, – одышка у тебя еще в сорок первом кончилась.

– Что было, то было. Ведь подумай только, при моем-то росте я девяносто семь килограммов весил.

– А сейчас?

– Сейчас я как олень – поджар, мускулист и строен. Вчера в бане стал на весы – семьдесят девять. Фонарик засветить?

– Да нет, я уже. – Данилов вставил ключ в замочную скважину, повернул. – Прощу. – Он посторонился, пропуская гостя.

– Свет-то зажги.

Данилов щелкнул выключателем.

– Да, – начальник оглядел коридор, – вещей-то у тебя не прибавилось.

– А откуда им взяться-то при наших деньгах? Да ты раздевайся. – Во внеслужебное время они звали друг друга на «ты», вернее, Данилов начальника, тот на «вы» называл только задержанных, считая это своеобразной этикой сыска.

Начальник снял полушубок, повесил папаху, и Данилов невольно залюбовался им, он был таким же, как в те далекие двадцатые годы. В гимнастерке, туго перехваченной ремнем, в фасонных галифе, в начищенных до синеватого блеска сапогах. Только голова его стала белой, появились ордена на груди, новенькие полковничьи погоны отливали серебром.

– Ну что устался, веди, – улынулся начальник. И улыбка у него была все та же, молодая и чуть грустная.

– Куда пойдем, в комнату или на кухню?

- На кухню, только туда. Пстой-ка, Данилов, у тебя там елка?
- Елка, – почему-то смутился Иван Александрович.
- Тогда, если можно, к ней. Я под елкой-то с молодых ногтей не сидел.
- Проходи в комнату, я сейчас по хозяйству.
- А где Наталья?
- Через час будет.
- Это славно. Значит, успеем поговорить до ее прихода.

Готовя на кухне немудреную закуску, Иван Александрович думал о предстоящем разговоре, отлично понимая, что не принесет он ничего хорошего. Просто так начальник домой к нему не придет. Он и был-то у него всего один раз, на новоселье в сороковом году, когда они с Наташей переехали из коммунальной на Мясницкой в этот новый дом. Тогда в комиссионном магазине Наташа купила всю эту мебель, которая, видимо, стояла раньше в квартире присяжного поверенного средней руки. Все эти громадные диваны и кресла, кровать, на которой могли уместиться сразу пятеро, буфет, похожий на город, с полками-улицами и ящиками-домами, книжный шкаф. Вот он-то и был, пожалуй, единственной вещью, которая пришлась Данилову по сердцу. За эти годы, несмотря на занятость и войну, он собрал все-таки вполне приличную библиотеку.

– Ну, ты скоро? – На кухню вошел начальник. – А то у меня от запаха картошки слюна течет.

- А может, от того, что на буфете стоит? – засмеялся Данилов.
- Это само собой. Долго настаивал?
- Месяц.
- А лимон где взял?
- Страшная тайна.
- Нет, серьезно, где?
- Кострова помнишь?
- Мишку-то, вот спросил тоже.

– Он раненый в Батуми в госпитале лежал, после ранения ему отпуск дали. Вот он ко мне заглянул и три штуки дал. Два я Наталье подарил, а на одном литруху настоял.

- Здорово, прямо не водка, а сплошной цитрус.
- А ты откуда знаешь?
- Вкусил полрюмки...

Данилов с усмешкой взглянул на начальника.

- Не вру, полрюмки, хотел узнать, что у тебя получилось.
- Ну и как?

– Невидимые миру слезы, Ваня. – Начальник закрыл глаза и покрутил пальцами в воздухе. – Давай помогу отнести. Ой, грибки-то, грибочки, – захохотал он из коридора, – где взял?

- Батя прислал! – крикнул Данилов.
- Везучий ты, Ваня, прямо знаменитый русский сыщик Путилин.

Данилов рассмеялся. Он вспомнил маленькие книжки в бумажном переплете, которые тайно читал на уроках в реальном училище. Продавались они по пятаку, и мальчишки жертвовали потрясающе вкусными пирожными и пирожками ради приключений знаменитого русского сыщика. В углу, на обложке каждого выпуска, в медальоне красовалась фотография человека в мундире со звездами и надпись вокруг: «Его высокопревосходительство, действительный статский советник И. А. Путилин, начальник С.-Петербургской сыскной полиции». Лица на фото разобрать было невозможно, отчетливо виднелись только бакенбарды. Но мальчишки считали, что так и надо. Разбойники, бандиты, шулера и знаменитые аферисты не должны были знать в лицо русского Шерлока Холмса.

Иван Александрович по сей день помнит названия многих из них: «Кровавая маска», «В лапах разъяренных сектантов», «Тайна Сухаревской башни», «Похитители невест», «В объятьях мраморной девы».

Почти все они начинались одинаково: «Ночь была без огней, кошмарно выл ветер».

Он вспомнил похождения Путилина, и мысли у него стали веселыми и добрыми.

Картошка со свиной тушенкой казалась верхом гастрономического искусства. Грибы были в меру солеными, твердыми и приятно хрустели на зубах.

– Начнем с новостей приятных. – Начальник полез в карман, достал коробочку и квадратную, как муровское удостоверение, книжечку. – Хотел вручить тебе в торжественной обстановке, но решил так, дома, по-семейному. На, поздравляю от души. – Он протянул коробочку Данилову. Тот раскрыл ее и увидел отливающий рубином алый знак, пересеченный мечом, в центре которого был серп и молот.

Данилов взял его, положил на ладонь. В свете люстры он еще сильнее загорелся рубиновым светом. В свете этом были сконцентрированы пробитые пулями знамена гражданской и нынешней войны, алая кровь погибших друзей. Это был тот самый цвет, за которым в семнадцатом, не раздумывая, пошел реалист Ваня Данилов. Это был цвет побед и романтики революции.

Данилов взял книжечку: СССР, Народный комиссариат внутренних дел. Грамота заслуженного работника НКВД. Он развернул ее, посмотрел на свою фотографию. Она ему не понравилась, уж больно сердитым выглядел он на ней, человек по фамилии Данилов. Ниже синие буквы «НКВД» и текст: «Чекист должен быть беззаветно преданным партии Ленина – Сталина, бдительным и беспощадным в борьбе с врагами Советского государства».

«НКВД СССР

ГРАМОТА

Товарищ Данилов Иван Александрович приказом НКВД СССР № 23 от 5 января 1945 г. награждается нагрудным знаком заслуженного работника НКВД № 4020 за успешное выполнение заданий по борьбе с бандитизмом.

Народный комиссар внутренних дел СССР генерал-полковник С. Круглов»

На своем веку он видел много награжденных. Когда в ГПУ начали вручать первые ордена Красного Знамени, они бегали специально смотреть на тех, кто удостоился этой великой чести. Данилов видел офицеров-фронтовиков с Золотой Звездой Героя на груди и с завесой орденов.

Свои три ордена и две медали он заработал честно, поэтому и носил их с гордостью. Проработав четверть века в органах, он очень хотел получить только одну награду – именно этот рубиновый знак. Да, именно его, потому что он являлся высшим признанием мужества и доблести работника милиции. Орден может получить каждый, а его – только тот, кто постоянно защищает покой людей в любое время. Будь оно мирным или военным – все равно ты на линии огня. Вот тем-то и дорог он был Данилову, поэтому и радовался он, глядя, как играют лучи лампы на его рубиновых гранях.

– Награды положено в стакан с вином опускать, – сказал начальник, – но это обычай фронтовиков, а мы с тобой, Ваня, сидим в глубоком тылу. Ну, еще раз поздравляю.

Они помолчали.

– Я почему его тебе сам вручил, дома, да потому, что не будет у нас времени для торжественных собраний...

– Случилось что? – перебил его Данилов.

– погоди, не торопись, я все по порядку расскажу. – Начальник подвинул сковородку, ложкой начал соскабливать с нее поджаристую корочку.

– Может, еще сделать?

– Хватит, Ваня, я и так небось половину твоего пайка съел.

– Скажешь тоже.

– Ну нет так нет. Окончился наш с тобой праздник, начались суровые будни. Теперь второе. Сергей Серебровский интриговал очень, хотел в ГУББ начальником отдела на полковничью должность забрать. Но мы не дали.

– Кто это «мы»?

– Я и Маханьков, начальник московской милиции. Мы тут с ним пошептались, с наркоматом согласовали и решили – быть тебе, Иван, моим замом. Рад?

– Честно?

– Честно.

– Если честно, то очень. Я ведь в МУРе почти всю жизнь.

– То-то и оно, – начальник усмехнулся хитро, одними глазами, – мы уже в наркомат бумаги отправили и о замещении должности, и о присвоении тебе полковничьего чина. Ну как?

Что мог ответить Данилов начальнику? Что он двадцать лет работает в МУРе, что трижды ранен на этой донельзя беспокойной работе, что ругали его чаще, чем награждали? Конечно, он был рад. Стать в сорок пять лет полковником – разве плохо? Да и обидно ему бывало встречать в коридоре наркомата совсем молодых ребят с тремя большими звездами на погонах. Нет, он не завидовал им. Просто иногда становилось жалко себя. Совсем немного и редко.

– А как с Муравьевым?

– Сегодня пришел приказ, назначен к тебе замом, присвоено очередное звание. Белову тоже старшего дали, буду на место Игоря назначать. Не возражаешь?

– Ты меня уже как зама своего или еще как начальника ОББ спрашиваешь?

– Пока как начальника.

– А я бы и как зам тоже не возражал.

– Ладно, – начальник встал, – теперь о главном. Я твой отпуск прерываю. Дело одно сегодня возникло, боюсь, что твоим орлам без тебя не справиться. Так что собирайся, поедем.

– Нищему собраться, только подпоясаться, – усмехнулся Данилов, беря с дивана портупею. – Ну, я готов.

– А что Наташе скажешь?

– Я ей твой телефон оставляю.

– Сколько волка ни корми... – Начальник горестно покачал головой.

– Ладно уж, избавлю, иди в машину, я записку напишу.

Через десять минут они уже ехали по темным, занесенным снегом улицам. Стекло ЗИСа заиндевело, но Данилов, как в детстве, пальцем растопил круглую дырочку в окне и, не отрываясь, глядел в темноту, пытаясь разглядеть что-то известное лишь ему одному.

Муравьев

Телефон он заметил, уже выходя из квартиры. Просто по привычке подошел к стене и увидел слабые цифры, нацарапанные карандашом, и букву З увидел рядом. Из отделения он позвонил в ЦАБ и узнал, что телефон установлен по адресу: Суворовский бульвар, дом 7, квартира 36, и принадлежит Литовскому Геннадию Петровичу. Фамилия и имя ему были почему-то знакомы. Игорь тут же перезвонил в 83-е отделение, и ему объяснили, что по этому адресу находится Дом полярников, в квартире 36 раньше проживал известный летчик Литовский, после его гибели там живет его дочь Зоя Геннадьевна Литовская.

Все это давало повод для раздумий. Дочь героя и – убийца. В другое время он, может быть, и колебался, а сейчас времени для размышлений не было. Чернышова Игорь запихал в машину почти силком, старик даже слышать не хотел о производстве обыска в квартире столь известного лица, и повез его в прокуратуру.

Райпрокурор оказался мужичком покрепче. Он выслушал Чернышова, потом Игоря и глубокомысленно изрек:

– Подумаешь...

Подмахнул постановление на обыск и изъятие вещей и, крепко пожав руку Игорю, напутствовал:

– Шуруй, капитан, действуй по горячим следам. Поможешь нам – век помнить буду, а то у меня в аппарате одни инвалиды и старики. Нынче все наши на фронте.

Игорь покосился на широкую ленточку нашивок за ранение на лацкане его пиджака и понял, что прокурор тоже не так давно вернулся с фронта.

Тот, поймав его взгляд, усмехнулся грустно и добавил:

– Про инвалидов говоря, я и себя имел в виду. Что смотришь? Нашивок за ранение пять, а колодок наградных две. Вот такая, брат, арифметика.

В подъезде Дома полярников Муравьева ждали вызванные из МУРа оперативники их отдела Никитин и Ковалев.

– Мы тут с комендантом поговорили, – лениво цедил слова Никитин, – так она от той Зои в полном восторге. И честная, мол, и работающая, в издательстве «Молодая гвардия» редактором служит. Подтвердила, была у ней бабка из Баку, жила три дня. Фамилия ее Валиева Зульфия Валиевна. Лифтерша тоже показания дала: вчера она с большим желтым «углом» пришлепала, часов в десять. Так что дело ясное, Муравьев, эта Зоя или скупщица, или «малину» держит, брать ее надо.

Никитин достал измятую пачку «Норда», начал разминать папиросу, вопросительно глядя на Игоря.

– Дома Литовская?

– Дома, я проверял, на всякий случай Ковалев у дверей стоит.

– Какой этаж?

– Пятый.

– Лифт работает?

– Тянет.

– Так вот давай, я на лифте, а ты пешочком.

– Ладно. Но зря. Ей деться некуда. Чуть что, Ковалев притормозит.

– Это мне решать.

На площадке пятого этажа курил оперуполномоченный Ковалев.

– Ну как? – спросил Игорь, оглядывая одинаковые, светлого дерева двери с медными табличками.

– А так, – Ковалев бросил папиросу, – одни профессора да герои.

Поднялся запыхавшийся Никитин.

– Пошли, – скомандовал Игорь. – Кстати, – остановился он у самой двери, – понятия есть?

– А то как, – врасстяжку сказал Никитин, – целых трое, сидят в комендатуре, трясутся.

– Ладно. – Игорь еле сдержал себя. Он вообще не любил Никитина за его полублатную манеру речи, за ненужное хамство, за нахрапистость. Но вместе с тем понимал, что оперуполномоченный парень хваткий, решительный и смелый.

Дверь открыла высокая женщина в толстом вязаном свитере, серой юбке и белых маленьких валенках. Из-под очков глядели на них большие изумленные глаза.

– Вы ко мне? – растерянно спросила она.

– К вам, к кому ж еще. – Никитин, оттолкнув Игоря плечом, шагнул через порог. – МУР, ясно? – Он вынул удостоверение.

Литовская прочла его и подняла на Игоря недоумевающие глаза:

– Отдел борьбы с бандитизмом?

– Да, Зоя Геннадьевна, мы именно оттуда. – Муравьев вошел в квартиру и сразу же увидел огромный коридор, весь уставленный стеллажами с книгами.

– Но я здесь при чем?.. Как это может быть? – взволнованно спросила Литовская. – Я...

– Ну, кто ты такая, это мы сейчас узнаем. – Никитин опять полез за папиросами.

– Потрудитесь вести себя вежливо, лейтенант. – Игорю хотелось взять Никитина за грудки и вытолкнуть на лестницу. – И перестаньте курить, это отвлекает.

– Слушаюсь, товарищ капитан, – так же врасстяжку, без тени обиды ответил Никитин.

– Я старший оперуполномоченный отдела борьбы с бандитизмом капитан милиции Муравьев, вот мои документы.

Литовская поправила очки и, поднеся удостоверение совсем близко к лицу, начала читать.

– Да, слушаю. – Она вернула документ Игорю. – Чушь какая... милиция, бандиты... Вы не ошиблись?

– Нет, – сказал Игорь твердо, – может быть, мы поговорим в комнате?

– Конечно, конечно, проходите. – Хозяйка отступила, освобождая дорогу.

– Кто еще есть в квартире?

– Я одна.

– Оставайтесь здесь, – повернулся Игорь к оперативникам, – если что...

– Понятно. – Никитин вынул из кармана пистолет.

Литовская с нескрываемым ужасом посмотрела на оружие.

– Это? – спросила она. – Зачем это?..

– Для порядка, – усмехнулся Никитин, – для полной, значит, расколки.

Игорь резко повернулся и так посмотрел на него, что тот немедленно спрятал оружие.

«Сволочь, – подумал Муравьев, – не человек, а музей пороков, ну погоди, вернемся на Петровку...» – Так куда мне пройти? – продолжал он вслух, обращаясь к хозяйке.

Женщина повернулась и пошла в глубь квартиры. Стараясь ступать по посланной на полу вышитой дорожке, Игорь шел за ней, пораженный блеском натертых воском полов. Он не мог понять, как она в такое время одна может поддерживать в квартире идеальную чистоту. Они вошли в комнату, больше напоминавшую музей. Здесь тоже было много книг, но не это поразило Игоря. На стенах висели акварели. Пейзаж, изображенный на них, был однообразен и суров. Льды. Бесконечные. Уходящие к горизонту. Но именно в этом однообразии и была какая-то мрачная красота, заставлявшая смотреть на них неотрывно.

– Вы любите живопись? – поймала его взгляд Литовская.

– Очень, но такое я вижу впервые.

– Это рисовал отец. Он всегда говорил, что нет ничего прекраснее и величественнее льдов.

– Мне трудно судить, но то, что я вижу здесь, очень здорово. И страшно. Только теперь я понял Амундсена. Помните, он сказал: «Человек может привыкнуть ко всему, кроме холода». На них даже глядеть зябко.

– Я привыкла, – Литовская сняла очки, – привыкла и полюбила этот Север.

– А разве есть другой?

– Конечно. Каждый все воспринимает индивидуально, даже ваш визит. – В голосе ее не было прежней растерянности.

– Я понимаю вашу ироничность, но хотел бы заметить, что наша служба не менее важна и полезна, чем любая другая. Только вот нарисовать нам нечего.

– А как же ваши типажи? Система Ломброзо?

– Слава богу, в нашей стране отменили галереи ужасов. Пусть люди лучше смотрят хорошую живопись. Так вот, – Муравьев улыбнулся, – мы и размялись. Теперь перейдем к делу. Кстати, вы позволите мне снять полушубок?

– Ради бога, если вы не замерзнете, глядя на пейзажи.

Игорь снял полушубок, аккуратно положил его на стул.

– Зоя Геннадьевна, вам известна женщина по фамилии Валиева?

– Зульфия? Ну, конечно.

– Откуда вы ее знаете?

– По Баку. Мы были с теткой в эвакуации. Там с ней и познакомилась. Она милая. Зульфия очень помогла нам.

– То есть?

– Тетка у меня больна, а Валиева – управляющая аптекой. Сами понимаете, лекарства сейчас – страшный дефицит.

– Чем было вызвано ее особое расположение к вам?

– Видимо, магической силой фамилии. Дочь героя и всякое такое.

– Значит, она оказывала вам услуги?

– Да, Валиева, я уже говорила, приняла в нас участие... – Литовская замолчала, подыскивая нужные слова.

– Вы должны рассказать мне все.

– Поймите. Эвакуация. Чужой город. Цены на базаре дикие. Тете Соне врач прописал усиленное питание...

– Она помогала вам продавать вещи?

– Да, я ей отдавала мамины украшения, и она приносила нам продукты. Мясо парное, фрукты, рис. Она даже плов нам готовила.

Игорь на секунду представил себе чужой город и эту хрупкую до беззащитности женщину в очках, вырванную из привычного мира натертых до блеска полов, книг, акварелей и фотографий. Он вспомнил рассказы матери и сестры, вернувшихся из эвакуации, и вдруг увидел Валиеву как живую, вернее, не ее, а только руки, перебирающие украшения. Ведь для того, чтобы купить племянникам молока, его мать отдала в такие же жадные руки единственную их ценность – именные золотые часы отца. Он увидел все это и поверил Литовской. Сразу, прочно и до конца.

– Как вы вернулись в Москву? – спросил он.

– Я написала начальнику Главсевморпути. Он был другом отца.

– Вы переписывались с Валиевой?

– Да.

– Вам известен ее адрес?

– Конечно. Баку, Параллельная улица, дом тринадцать.

- Как она очутилась у вас в Москве?
- Первый раз полгода назад возникла как фея из сказки. Привезла массу вкусных вещей и лекарства для тети.
- Ее знакомые бывали у вас?
- Да. Какой-то представитель из Баку, Илья Иосифович, кстати, очень неприятный человек. Представьте себе, он обошел всю квартиру, все ощупал и о цене справлялся. Потом он постоянно, если не ел и не пил, насвистывал какой-то пошловатый мотивчик. Очень противный.
- Была ли Валиева с ним близка?
- Вы хотите сказать?..
- Именно.
- По-моему, да.
- Почему вы так решили?
- Она часто у него ночевала.
- Логично. Она куда-нибудь звонила по телефону или, может быть, ей кто-нибудь звонил?
- Она звонила часто в Главмосаптекоуправление, она же в командировку приезжала.
- Что Валиева делала вчера?
- Она куда-то ушла. Да, извините, я совсем забыла, к ней приходил летчик.
- Полковник? – с надеждой спросил Игорь.
- Нет, что вы, он же молоденький, такой худенький, маленький, а имя у него Батыр, – Литовская улыбнулась, – он даже зайти в комнату стеснялся. Они договорились в коридоре.
- О чем?
- Он командир транспортного «Дугласа», они сегодня улетали утром и брали Валиеву с собой.
- Извините, я могу воспользоваться телефоном?
- Пожалуйста, пройдите сюда.
- Игорь набрал номер дежурного.
- Кто? Горбунов? Это Муравьев. Немедленно запроси ГУББ НКВД, когда вылетела машина «Дуглас» Бакинского УГВФ, командир узбек, зовут Батыр.
- Сделаем, – ответил дежурный.
- И еще – срочно вчеграмму в УББ Азербайджана, взять под наблюдение Валиеву Зульфию Валиевну, Баку, Параллельная улица, дом тринадцать.
- Основание?
- Подозрение в убийстве гражданина Судина.
- Все?
- Теперь все.
- Игорь вернулся в знакомую комнату. Литовская сидела в той же позе, зажав ладони рук коленками.
- Вы меня извините, но вы говорили громко, и я все слышала. Это правда?
- Правда.
- Она у меня оставила мужские вещи. Пальто кожаное и два костюма.
- Как она объяснила это?
- Вещи, мол, купила для своего брата. Но чемодан был большой, а у нее еще один. А летчик этот, Батыр, сказал: «Ты их оставь, я через неделю опять прилечу и заберу».
- Что еще было в чемодане?
- В котором?
- Том, что она принесла вчера.
- Бумаги и какой-то сверток.

– Где они?

– Она их уложила в сумку.

– Принесите эти вещи. Нет, вам помогут. Ковалев, – позвал Игорь, – помогите гражданке Литовской.

Через несколько минут Ковалев принес большой кожаный чемодан, перетянутый ремнями.

– Зоя Геннадьевна, – тихо сказал Муравьев, – закон требует, чтобы мы изъяли эти вещи. Вот постановление, подписанное прокурором.

– Берите их, ради бога, берите, – всплеснула руками хозяйка, – эта гадость...

– Мы представляем закон, Зоя Геннадьевна, – продолжал Игорь, – и поэтому не можем нарушать его. Есть процессуальные нормы... прежде чем открыть чемодан, мы обязаны пригласить понятых.

– А иначе никак нельзя? Это же позор, как я тогда людям в глаза глядеть буду? – голос Литовской дрогнул.

– Иначе... – Муравьев задумался.

– А чего тут думать-то, – сказал вошедший в комнату Никитин, – оформим как добровольную выдачу, без всяких понятых.

– Точно! – обрадовался Игорь. – Ковалев, пиши акт. А вас, Зоя Геннадьевна, я попрошу все, о чем мы говорили, изложить письменно.

– Хорошо. Я сделаю, только как?

– Возьмите бумагу, ручку... Так... Прекрасно... В правом углу пишете: «Начальнику ОББ, подполковнику милиции Данилову И. А.». Написали?... Прекрасно... Далее – от кого... Так... Теперь посередине листа: «Объяснение»... Отлично... «По существу заданных мне вопросов могу сообщить следующее. С гражданкой Валиевой З. В., проживающей...» Так... Дальше все, как было.

Игорь прочитал объяснение Литовской, попросил уточнить некоторые детали. Ковалев закончил акт добровольной выдачи. Надевая полушубок, Муравьев вдруг почувствовал страшную усталость. Он посмотрел на часы. Двадцать два. Ровно двенадцать часов он мотался по городу, рылся в чужих вещах, напряженно выстраивал разговоры с самыми разными людьми. Все это время он ничего не ел и почти не курил. Произошла обычная реакция: нервы взвинчены до предела, потом спад. И сразу усталость тяжелой волной захлестнула его, он почувствовал, как горит обожженное морозом лицо, как гудят ноги, как погоны, словно свинцовые плиты, давят на плечи.

– Надеюсь, излишне предупредить вас, Зоя Геннадьевна, что о нашем визите и разговоре никто не должен ничего знать? – устало произнес Муравьев стандартную, обязательную фразу.

– Да. Конечно. Я понимаю.

Она посмотрела на него и поразились, как изменился этот молодой, красивый, энергичный человек: внезапно появились черные круги под глазами и резкие складки у рта, заострился нос. И только сейчас она заметила, что он почти совсем седой.

– Простите, – робко спросила она, – сколько вам лет?

– Это очень важно?

– Нет, просто интересно.

– Ну, если очень, то двадцать шесть. Кстати, больше у вас ничего не осталось?

Литовская открыла ящик шкафа и вынула четыре аптечные облатки.

– «Сульфидин», – прочитал Игорь. – Это тоже она?

– Да, для тети. Я отдала за них очень дорогую для меня вещь. Но это ничего не значит. Берите, берите, пожалуйста.

Игорь снова вспомнил часы, которыми отца наградили за борьбу с басмачами. Подумал о том, кто их носит сейчас. И ему захотелось выругаться. Но он сдержался. Он просто отодвинул облатки и сказал:

– Мы этого не видели.

Первым, кого Муравьев встретил в управлении, был заместитель начальника отдела кадров полковник Кулагин.

– Капитан! – окликнул он Муравьева.

Игорь подошел, козырнул.

– С тебя.

– Что?

– Будто не знаешь?

– Нет, я с утра на операции.

– Ну, тогда иди к Осетрову, там приказ лежит. Ты теперь у Данилова зам, да еще и майор. Тебе лет-то двадцать шесть?

– Так точно.

– Быстро вырос. Так и до комиссара недалеко.

Полковник козырнул и пошел к выходу, рассуждая про себя о нынешней молодежи. Вон ему в такие-то годы майора дали, а радости нет. Он сам в двадцать семь лет, когда первый кубик на петлицы получил, всю ночь не спал, все в командирской гимнастерке у зеркала крутился. Да, странная нынче молодежь. Избаловала ее война.

А Муравьев поднимался по знакомой лестнице к себе в отдел. От усталости он даже не мог радоваться.

«МУР ОББ ГУББ НКВД.

СРОЧНО!

ВЧЕГРАММА

ОББ МУР просит уточнить, когда и каким рейсом отбыл из Москвы в Баку самолет «Дуглас», командир экипажа узбек по имени Батыр. При установке немедленно сообщить дежурному ОББ МУР.

Нач. ОББ МУР Данилов».

«МУР ОББ УББ НКВД ЛзССР.

СРОЧНО!

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

По делу об убийстве гражданина Судина И. И. нами разыскивается гр. Валиева Зульфия Валиевна. По нашим данным, она проживает в г. Баку, Параллельная улица, 13. Гр. Валиева З. В. сегодня должна прибыть из Москвы в Баку грузовым «Дугласом» Бакинского УГВФ. Просим провести оперативные мероприятия по установке связей Валиевой З. В., а также установить наблюдение. Вплоть до прибытия нашего сотрудника не задерживать.

ОББ МУР Данилов».

«МУР ОББ БССР ПИНСКИЙ ОУНКВД.

СРОЧНО!

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

ОББ МУР задержан за убийство сотрудника милиции гр. Кузыма Степан Казимирович. При задержании у преступника отобраны пистолеты системы «Маузер-6,35» № 40010 МР и «Фроммен-7,62» № 10241 Е. Паспорт, отобранный у Кузымы С. К., прописан: Пинск, Станиславская, 5. Просим незамедлительно установить подлинность документа и личность задержанного. Фотографию, дактилоскопическую карту и акты баллистической экспертизы из

*отстрелянных пистолетов маузер № 40010 МР и «Фроммен» № 10241 Е направляем фельд-
связью.*

ОББ МУР Данилов».

Данилов

Он поглядел на Игоря, стоявшего на пороге.

– Ну, что смотришь как монашка на мужика? Не узнал?

– Вы же в отпуске.

– Отдых, как тебе известно, состояние прекрасное, но временное.

– Отозвали?

– Угу. Садись, докладывай.

Игорь расстегнул планшет, вынул объяснение Литовской. Данилов направил лампу, чтобы свет падал лучше, и начал читать. Читал он медленно, по нескольку раз акцентируя внимание на каких-то фразах и подчеркивая их карандашом.

– Так, – он положил объяснение на стол, – поработали неплохо. Какое у тебя впечатление?

– Пока никакого, – честно сознался Игорь, – Баку, Белоруссия. Золото, деньги, морфий.

Полковник-летчик. Пока туман.

– Так, что ли, и докладывать будем – «туман»?

– Устал я что-то. Хочу передохнуть часок.

– Ладно, майор, иди в свой новый кабинет. Да не забудь документы заменить согласно новому званию и должности. И подумай, кого послать в Баку.

– А чего думать, Сережу.

– А если Никитина?

– Я думаю, лучше Белова. Работать-то придется с женщиной. К ней, наверное, подходец нужен.

– Ладно. Согласен. Иди готовь приказ.

Муравьев вышел, а Данилов вновь раскрыл папку с делом. Жаль, что его не вызвали сразу утром. Он, конечно, доверял ребятам, но свой глаз, он вернее. Так что же мы имеем, уважаемый Иван Александрович, деньги 570 тысяч, забандероленные в стандартную банковскую упаковку... Дальше... Пластины желтого металла... Вот акт экспертов... Золото. Червонное. Госклеймо. Номер... Так... Далее... Ага... Вот что интересно, в обращении настоящие пластины не бывают... Читайте – нигде не продаются... «...Хранятся в отделении Госбанка и спецхранах...» Понятно... Это уже зацепка... Видно, где-то ограблен банк или напали на инкасаторов... Правда, может, это от немцев осталось... Выясним. Немедленно выясним. Морфий. Он – лекарство, снимающее боль, он же и наркотик... Где же акт медосмотра Кузымы... Вот он... «На руках и левом бедре следы уколов...» Понятно... «Состояние наркотической эйфории...» Наркоман... Знал, что у Судина морфий, и шел к нему... Откуда знал?... Полковник-летчик... Стоял с ним у дома... Шел с ним по переулку... Его видели с покойным... Ох, не нравится мне этот полковник... Ниточка к нему одна – от Кузымы... Полковник... Это уже горячее.

Телефонный звонок прервал его рассуждения где-то на середине. Данилов поморщился и поднял трубку.

– Данилов.

– Товарищ подполковник, капитан Платонов докладывает.

– Слушаю вас.

– Убитый младший лейтенант Соколов вел служебные записи. Ну, что-то вроде дневника.

Я взял их читать. Там много о «полковнике» этом, номера машин, на которых он приезжал.

– Где дневник?

– Выслал к вам с милиционером. Машиной.

– Спасибо, капитан, ваш Соколов был молодец.

Данилов повесил трубку и вдруг понял, что вот она, редкая, как говорят его «клиенты», «фрайерская» удача.

А что, собственно, такое удача? В тридцать девятом году он допрашивал бандита Сенечку Быка. Сенечка в преступном мире «ходил в авторитете», считался одним из некоронованных королей. Он сидел в его кабинете в кожаной коричневой куртке, шоколадных брюках и желтых ботинках на каучуке, ворот рубашки крученого шелка был оторван начисто, уж больно дергался Сенечка, когда его брали. Сидел он непринужденно, заложив ногу за ногу, и курил свои папиросы «Совет юнион». Самые дорогие, в красной коробке, на которой была выдана знаменитая мухинская композиция. Поигрывая длинной папиросой под названием «метр курум, два бросаем», Сенечка жаловался Данилову:

– Вам этого, гражданин начальник, не понять, вы, извините, на жалованье живете, а вот мои все неприятности сегодня – сел играть в терц. И карта пошла, как никогда. Да что вы, Иван Александрович, вы-то знаете, что Бык всегда играет честно. Так вот я и говорю: пошла карта, и выиграл я семнадцать тысяч и рыжие бочата, – Сенечка ткнул папиросой в лежащие на столе часы, – представляете?

– Представляю, – кивнул головой Данилов. – С кем играл-то?

– Вы же меня знаете, гражданин начальник, я о таких вещах разговаривать не люблю. Так вот, мне все говорят: «Такой понт раз в десять лет подваливает, не ходи на дело». А я пошел. Значит, правда, что жадность фрайера губит. Как вы считаете?

– Да нет, Сеня, – ответил ему тогда Данилов, – не прав ты, мы тебя до той квартиры на Второй Мещанской довели. Дали тебе с Лебедевым в карты сыграть, а потом у сберкассы и взяли. Так что играй не играй, один конец.

– А какой он – мой конец? – хрипло спросил Бык, и глаза его словно выцвели от напряжения.

– Ты же знаешь сам, чего мне тебя учить?

– Значит, по совокупности пойду за всю масть?

– А ты как же хотел, только за азартные игры, незаконное хранение оружия и сопротивление работникам милиции?

– Конечно бы хотел, – горько вздохнул Сенечка, – но разве с вами сыграешь? В вашей колоде, гражданин начальник, всегда десять тузов. Видно, отпрыгался я.

Данилов вспомнил этот разговор, подумав о фрайерском счастье. Нет, их дело – это не карты. Здесь нет хорошего прикупа и длинной масти. Их удача – результат четкой и кропотливой работы многих людей, их отношение к ней. Если ты любишь, болеешь за нее душой, забываешь все остальное, кроме нее, – вот она, твоя удача. Видимо, таким человеком и был покойный младший лейтенант Соколов. Поэтому и вел он свой дневник. Даже убитый, он участвовал в розыске.

В дверь постучали.

– Войдите.

Вошел старшина милиции.

– Товарищ подполковник, капитан Платонов приказал передать вам планшет лично.

– Спасибо. Идите.

Старшина вышел. Иван Александрович шелкнул тугими кнопками застежки, вынул тетрадь в потрепанном коричневом переплете. Приблизительно посередине она была заложена листом бумаги с надписью: «Судин». Данилов раскрыл тетрадь.

Судин Илья Иосифович, год рождения 1897, беспартийный, несудимый, происходит из служащих, работает уполномоченным по снабжению (проверял в постпредстве АЗССР: отзываются о нем неопределенно). Бывает в командировках в Баку и Белоруссии (проверял: командировочные правильные). Из Белоруссии ничего не привозит (со слов соседей), из Баку всегда

сухофрукты и вино (проверял: не спекулирует). Факт положительный – сухофрукты раздает бесплатно соседям, особенно тем, у кого дети.

В личном деле записано: инвалид труда за Магнитку, туберкулез. Факт отрицательный – за два года ни разу не обратился к участковому врачу, в тубдиспансере на учете не состоит. Одевается хорошо. Карточки отоваривает вовремя. Знакомство в доме не ведет. Несколько раз в гостях была чернявая женщина нерусского склада, видно узбечка. Оставалась ночевать. Трижды видел с полковником авиации. Они ездили на машине «виллис» Д 107–02 (воинской части) один раз и четыре раза на «эмке» МТ 51–50.

С людьми приветлив, вежлив. Факт положительный. Но ни с кем не дружит, скрытен, о себе ничего не рассказывает, что есть факт отрицательный.

Доложил о нем начальнику отделения угрозыска капитану Платонову как о человеке подозрительном. Обещал разобраться. Квартплату вносит вовремя. Говорит по телефону с Минском, Брестом, Баку. Недавно купил трофейную радиолу и пластинки, отдал семь тысяч. Купил с рук. (Откуда такие деньги? Факт отрицательный.)

Все, на этом записи о Судине кончались. Данилов еще раз перечитал их и мысленно поблагодарил человека, которого никогда не видел. Эту тетрадь необходимо передать генералу, пусть покажет деятелям из отдела службы, как работает настоящий участковый. А то некоторые из них только за порядком в магазинах следят да паспортным режимом интересуются. В порядке паспорт – живи, делай, что хочешь. Спасибо тебе, Соколов, большое спасибо.

Данилов набрал номер ОРУДа.

– Воробьев, – ответила трубка.

– Боря, – сказал он замначальнику, – мне тут две машины установить нужно, только срочно.

– А у вас все срочно. Тут мне Муштаков звонил, прямо скандалил: мол, установи номер «эмки»-пикап. И что ты думаешь, на ней всего лишь с пивзавода бочку пива увезли. А мы два дня бегали.

– Боря, – устало сказал Иван Александрович, – ты же знаешь, что у нас пивом не интересуются.

– Да, твоя контора посерьезнее. Давай.

– «Виллис» Д 107–02 и «эмка» МТ 51–50.

– Так у тебя и номера есть, это дело минутное.

– Я жду.

– Жди, я быстро.

Данилов снова начал перечитывать документы, делая выписки в блокнот. Он обещал утром доложить начальнику МУРа свои соображения. Дневник убитого участкового стал именно той деталью, которая наконец соединила цепочку Судин – Валиева – Кузыма – «полковник». Теперь можно выстроить первоначальную версию и начать обработку оперативных данных. Он уже прикинул, кто из сотрудников займется каждым из фигурантов по делу. Надо немедленно подготовить спецсообщение в отношении номерных знаков денег и госклейм золотых пластин. Наверняка от них потянется ниточка, которая приведет поиск к тем, кто передал их Судину. И главное, версия «полковника», ею он сам займется, лично.

Воробьев позвонил через полчаса:

– Слушай, Иван, я все выяснил. С «виллисом» глухо.

– То есть?

– Машина эта отдельного инженерного батальона МВО. Водитель – старший сержант Луценко. Но, видишь ли ты, две недели назад, перед самым Новым годом, он погиб в катастрофе. Сбил ограждения моста и сорвался в Москву-реку в Ильинском.

– Причины?

– Экспертиза установила сильную форму опьянения.

- Ясно.
- «Эмка», тебя интересующая, из спецавтохозяйства Метро-строя. Шофер Калинин Владимир Данилович.
- Он давно работает на этой машине?
- Семь лет.
- Почему не в армии?
- Метрострой же бронированный. Записывай адрес.

«ГУББ НКВД МУР ОББ Данилову

СРОЧНО!

ВЧЕГРАММА

Машина «Дуглас», бортовой знак 1276 Бакинского УГВФ. Командир – пилот II класса Рахимов Батыр Рахимович. Время вылета 10.00. Посадка для заправки в Астрахани. По нашим данным, никто во время заправки машину не покидал.

ГУББ НКВД Курин».

«УББ АзССР МУР ОББ Данилову.

СРОЧНО!

ВЧЕГРАММА

Машина «Дуглас», бортовой знак 1276 – командир Рахимов Батыр Рахимович – совершила посадку в Баку в 0.15 местного времени. Гр. Валиева З. В. взята под наблюдение. Путем оперативных мероприятий устанавливаем связи. Ждем вашего сотрудника.

УББ АзССР Ибрагимбеков».

«ПИНСКИЙ ОУНКВД БССР МУР ОББ.

СРОЧНО!

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

Задержанный вами гр. Кузьма С. К. в нашем городе не проживает. Считаем паспорт фальшивым. По получении дополнительных данных, высланных вами, немедленно сообщим.

Пинский ОУНКВД БССР Грязновский».

Муравьев

Игорь просидел в кабинете около часа. Он находился в странном состоянии полудремы, в том самом, когда все становится расплывчатым и в реальность врываются какие-то странные картинки, появляются чьи-то лица, слышатся непонятные голоса. Он вдруг снова увидел кухню и лежащего Судина, а на подоконнике сидел Мишка Костров, веселый, наглый Мишка, но почему-то он был в очках и кутался в оренбургский платок.

– Ну что, Игорь, – хохотнул Костров, посверкивая золотой фиксой, – тяжело, брат, без меня... – Хохотнул и исчез. И кухня расплылась, осталось одно окно, а за ним бесконечные льды, уходящие к горизонту. Игорь с ужасом подумал, что стекло не выдержит напора, лопнет, и он останется один на один с ними. Лед за окном крошился с пронзительным и длинным звоном...

Муравьев тряхнул головой, открыл глаза. На столе заливался телефон.

– Муравьев.

– Игорь, – услышал он голос жены, – это я.

– Иннуля, ты что?

– Хочу узнать: ты домой придешь?

– Ты понимаешь...

– Я понимаю, но приехал Петя.

– Какой еще Петя?

– Сестры твоей, между прочим, муж. Он всего до утра. Мы собрались все. Может быть, ты хоть на минутку заглянешь? – В голосе жены слышалась надежда. Но вместе с тем Игорь уловил и металлические нотки. – Кстати, папа на что уж занят, и то приехал. Он с тобой поговорить хочет.

В начале войны его тесть, Александр Петрович Фролов, был директором оборонного завода. В прошлом году его назначили замнаркома, и жизнь у Игоря сразу же испортилась. По управлению немедленно пошли слушки, и его иначе, как «зять Межуев», за глаза не называли. Вот поэтому Муравьева и майорские погоны не очень обрадовали. Знал, что начнется опять: «Служишь как медный котелок, а все в капитаны не выбьешься, а тут без году неделя в МУРе, и уже нате вам – майор. Жениться надо с умом».

– Игорь, – прервал его мрачные раздумья голос тестя, – ну как ты там?

– Все нормально, Александр Петрович.

– У тебя всегда все нормально. А у нашей бабушки чуть карточки сегодня не украли, – засмеялся в трубку Фролов, – она тебя ждет не дождется. Имеет точные приметы злоумышленника. Ну ладно, ты приходи. Вся семья в сборе. Неудобно. Хочешь, я Маханькову позвоню?

«Вот оно, начинается», – с тоской подумал Игорь.

– Что молчишь, не бойся, шучу. Я же понимаю все. Но все-таки вырвись хоть на часок, я свою машину могу тебе прислать, – продолжал тесть.

– Александр Петрович, я постараюсь, а пока дайте Инне трубку. Слушай, малыш, я тут ход один придумал. Ты позвони шефу, пригласи его, а?

– Сейчас.

Данилов зашел минут через десять.

– Решил по мне из главного калибра ахнуть? Жену вперед пустил. Сам-то что?..

– Ох, Иван Александрович, муж сестры с фронта приехал, Петька. Ну, они там и устраивают какое-то гульбище.

– Это какой Петька? Карпунин?

– Он самый.

– Твой живой укор?

Игорь усмехнулся. Он вспомнил июль сорок первого и хилого очкарика Петьку в военной форме с петлицами старшего политрука. Встреча с ним оказалась последней каплей, переполнившей чашу терпения Игоря. Чуть не плача, он прибежал тогда в управление и написал рапорт начальнику МУРа с требованием немедленно отправить его на фронт.

– Ну, что замолчал? – Данилов вынул портсигар. – Помнишь, какую ты мне истерику тогда закатил? Теперь не жалеешь, что я тебя не отпустил?

– Теперь нет. У каждого своя война. – Игорь задумался, – у Петьки своя, у Мишки Кострова тоже своя, у пацанов, которые вместо взрослых на заводах к станкам стали, тоже своя. Я ведь помню, как вы сказали в сорок первом, что армия наступает тремя эшелонами. А мы четвертый, мы ее тыл охраняем. Нет, не жалею я. Мы в своей войне за других не прячемся.

– Вот и дожил я до светлого часа, – Данилов тяжело опустился на диван, – начали меня на старости лет цитировать. Ну что ты на меня так смотришь? Хоть в двадцать три часа по гостям не ходят, но, принимая во внимание военное время, можно зайти на пару часов. Погоди, ну погоди же ты. Ох и заматерел ты, Игорь, раздавишь начальника. На. – Данилов достал из кармана новенькие серебряные погоны с двумя просветами и желтыми звездочками. – Смени погоны-то. Пусть твой свояк видит, что и мы не зря командирский паек получаем. – Он встал, подошел к столу, снял телефонную трубку: – Дежурный? Это Данилов. Мы с Муравьевым будем по телефону Д1–31–19. Если что, немедленно звони туда. Ясно?

Иван Александрович повернулся к Игорю.

– Ты не думай, что я водку пить иду. У меня корысть своя есть. Тесть мне твой нужен, инженер-генерал-лейтенант, замнаркома Фролов.

– Зачем еще? – настороженно спросил Игорь.

– Руководить – значит предвидеть. Ясно?

– Пока нет.

– Ты вот проект приказа подготовил о командировании старшего лейтенанта Белова в Баку. Подготовил?

– Да.

– А как он туда добираться будет? На обычном-то поезде он больше недели по нынешним временам протрясется. А дело срочное.

– Все равно не понимаю.

– В наркомате твоего тестя своя авиация. Я выяснил, что в Баку они ежедневно летают.

– Понял теперь.

– А раз понял, мы с ним договориться должны, чтоб его летуны Сережу прихватили.

– Я...

– Ты сиди молча. Я говорить буду. Думаю, он не откажет. Не за урюком же мы его посылаем. А теперь звони домой. Инна что-то насчет машины говорила.

В городе начиналась метель. Снег крутился в темноте улиц, хлестал по стенам домов. Они стояли у входа в управление, спрятав лица в поднятые воротники полушубков. Наконец из крутящейся мглы вырвалась занесенная снегом большая черная машина. Данилов, прежде чем сесть в нее, посмотрел вверх. Неба не было. Все смешалось. Была только клубящаяся холодная темнота.

И как же приятно было после холодной улицы войти в чистую, теплую квартиру. После темноты свет в ней казался особенно ярким, а радостные лица встречающих – необыкновенно красивыми.

– Петька, – сказал Игорь и засмеялся, – собака, да тебя совсем не узнать. – Он сгреб Карпунина, прижал к своему мокрому полушубку. – Постой-ка!

Он с удивлением взглянул на его погоны с медицинскими эмблемами.

– Ты же политработник. С каких пор ты в доктора попал?

– А я и есть политработник, – смущенно ответил Карпунин, – меня после ранения замполитом санитарного поезда назначили, вот какие дела.

– Ну молодец! Майор. Ордена...

Игорь ревниво посмотрел на его китель. Два ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды, четыре медали, нашивка за тяжелое ранение. Перед Игорем стоял совсем другой Карпунин. Не тот неловкий и застенчивый Петька, который упрашивал Таню не класть ему в вещмешок конфеты «Душистый горошек».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.